

П. Д.
БОБОРЫКИН

Избранное

Петр Дмитриевич Боборыкин

Памяти А. Ф. Писемского

«Редеет семья писателей 40-х годов. У нас вообще литераторский срок короткий. Кто-то высчитал, что средняя жизнь русского писателя менее сорока лет. Судя по тому, как умирают наши собратья в последние двадцать лет, это безусловно верно. Сколько безвременно сошло в могилу молодых людей! Стоит только вспомнить генерацию 60-х годов. Все эти Помяловские, Левитовы, Слепцовы, Решетниковы – в какой возраст они умерли? В такой, когда на Западе, где-нибудь во Франции или Англии, человек только начинает свою карьеру. Даровитый романист, скончавшийся на днях в Москве, все-таки дожил до шестидесяти лет. Он родился 10 марта 1820 года. Старше его, из живых его сверстников, всего каких-нибудь пять-шесть человек...»

Петр Дмитриевич Боборыкин
Памяти А. Ф. Писемского

Редеет семья писателей 40-х годов. У нас вообще литературский срок короткий. Кто-то высчитал, что средняя жизнь русского писателя менее сорока лет. Судя по тому, как умирают наши собратья в последние двадцать лет, это безусловно верно. Сколько безвременно сошло в могилу молодых людей! Стоит только вспомнить генерацию 60-х годов. Все эти Помяловские, Левитовы, Слепцовы, Решетниковы – в какой возраст они умерли? В такой, когда на Западе, где-нибудь во Франции или Англии, человек только начинает свою карьеру. Даровитый романист, скончавшийся на днях в Москве, все-таки дожил до шестидесяти лет. Он родился 10 марта 1820 года. Старше его, из живых его сверстников, всего каких-нибудь пять-шесть человек.

По поводу смерти Писемского появились уже биографические заметки. Публика знает в общих чертах, как прошла жизнь этого своеобразного и сильного писателя. Известно, что он вышел из помещичьей среды, детство провел в деревне и в губернском городе, учился в Московском университете в 40-х годах, на словесном (по-тогдашнему философском) фа-

культете, был женат и отец семейства, служил в губернском городе вплоть до переезда в Петербург, где он сделался уже профессиональным литератором, что случилось в половине 50-х годов, стало быть, когда Писемский приближался уже к сорокалетнему возрасту. Но и потом, лет восемь спустя, по переезде в Москву, куда он перебрался в 1863 году, Писемский опять поступил на службу советником в здешнее губернское правление, что многих удивляло, так как, сколько известно, он не был никогда в нужде и давно уже зарабатывал очень хороший гонорар на своих романах. Только в последние годы жил он частным человеком, жаловался на здоровье, испытал сильный нравственный удар после трагической смерти своего меньшого сына. И выходит, что, несмотря на плодovitую писательскую деятельность, этот романист провел половину своей жизни, в зрелом возрасте, на казенной службе. То же видим мы в биографии нашего сатирика Салтыкова.

Губернский город и служба дали тому и другому преобладающий материал их произведений. Без этого непосредственного зна-

комства с дореформенными нравами чиновничества и всеми административными порядками Писемский не написал бы «Тысячи душ». Сила природы и сказалась в том, что рамки казенной службы не заглушили в романе писательских позывов.

Он начал рано свою литературную дорогу и умер, только что окончивши обширный роман. Первой печатной вещью Писемского считается повесть «Тюфяк», но оказывается, что раньше «Тюфяка» он напечатал небольшую повесть, о которой никто, кажется, не упоминал. Я не стану перечислять здесь ряда его повествовательных вещей, давших ему сразу видную литературную физиономию. Он выступил под непосредственным воздействием Гоголя и так называемой «натуральной» школы, как более резкий реалист, чем его ближайший сверстник, Тургенев. К хлесткому, но не всегда объективному изображению он присоединял еще великорусский юмор и беспощадность разоблачения безобразных сторон того сословия, где родился. В забытой теперь повести «Брак по страсти» вся комическая пошлость и беспробудное лганье на под-

кладке животненных инстинктов, какими опутана была жизнь тунеядного среднего дворянства, представлены живьем. И первый его роман, появившийся гораздо позднее в измененном виде, называется «Боярщина». Это широкая картина нравов целого дворянского гнезда, еще в беспробудную эпоху крепостничества. В этой вещи уже сидел весь Писемский с его наблюдательностью, манерой, языком, проблесками обличительного темперамента и недоделанностью таланта и мастерства, оставшейся у него на всю жизнь.

Приезд в Петербург в начале 50-х годов дал ему новый толчок. Он увидел возможность расстаться с губернеким городом и со службой и сделаться только писателем. Я помню рассказы Писемского об этой эпохе своей жизни. Тогдашняя редакция «Современника» хорошо оценила его талант и сделала ему несколько заказов. С полной откровенностью передавал он нам, молодым писателям (это было в начале 60-х годов), как роман «Богатый жених» (который должен он был окончить к сроку для «Современника», вернувшись в Кострому) сделался ему очень скоро

противным и к каким возбуждающим средствам прибегал он, чтобы окончить эту тягостную для него работу. Петербург позволил ему развернуться, рискнуть временем и трудом для больших замыслов, таких, как роман «Тысяча душ». Когда Писемский работал над второй половиной романа, в русских цензурных порядках многое изменилось к лучшему. Он сам мне говорил, что герой романа Калинович сделан был им в перовой части зрителем уездного училища потому, что он не надеялся на пропуск цензуры, если бы сразу превратил его в крупного чиновника. При николаевских порядках он не мог бы напечатать свою «драму губернского правления», как кто-то назвал этот роман при его появлении.

Вторая половина 50-х годов, без сомнения, самая блестящая и плодотворная в писательской жизни Писемского. В это время появилась и «Горькая судьбина», одна из сильных наших драм, пьеса, не утратившая ни художественного, ни общественного интереса даже до сих пор, несмотря на то, что она взята из эпохи крепостных нравов. И в ней целиком

весь лучший Писемский: знание помещичьего и крестьянского быта, отсутствие идеализации, ум, трезвость, способность создавать выпуклые характеры. Влияние же тогдашнего литературного либерализма сказывается в подробностях четвертого акта, в сценах следствия с подкупом чиновников и задорным произволом модных молодых следователей, желавших отличиться перед начальством.

До первых годов шестого десятилетия в течение пяти-шести лет Писемский пользовался самой большой популярностью. Он сделался достоянием Петербурга жил бойко, редакторы журналов за ним ухаживали, его видали часто и в светских салонах, знали как чтеца и даже как актера-любителя. Припомним тот литературский спектакль в пользу Фонда, где Писемский играл городничего и где даже мелкие роли исполнялись литературными знаменитостями. В конце 50-х годов предложена была ему редакция «Библиотеки для чтения» после Дружинина. Издатель возлагал большие надежды на имя Писемского; но потому ли, что издатель этот не хотел увеличения расходов, или потому, что в новом ре-

дакторе не было настоящих редакторских свойств, журнал не мог соперничать ни с «Современником», ни с «Отечественными записками». Редактор печатал далеко не все свои вещи в «Библиотеке для чтения», и года через два, через три стал тяготиться своими редакционными обязанностями.

К началу 1861 года относится мое личное знакомство с Писемским. Несколько месяцев перед тем, в сентябре 1860 года, им была принята и напечатана моя комедия «Однодворец». В «Библиотеке для чтения» я нашел как сотрудник широкие гостеприимство и в течение двух лет часто видался с редактором. Мне кажется, что в этот-то период и начал происходить в Писемском поворот. Творческие силы были все те же, но отношение к обществу, главное, к новым идеям, к стремлениям молодежи и к тогдашнему журнальному радикализму не то что изменилось, а обострилось.

Надо Перенестись к тому времени, чтобы ясно представить себе эту собирательную психологию литературного и журнального мира. С 1856 года русским журналам стало легче дышаться; всякий писатель с наблюда-

тельностью, с приемами реалиста, правдивый в своих изображениях легко мог прослыть за либерального литератора. И сам Писемский имел право считать себя за человека, открывающего глаза обществу на застарелые язвы и болячки. Так оно и было в художественном изображении жизни. Но внутри жил другой человек, сын своей эпохи, воспитанный на известных идеях, не пошедший дальше тех пределов, которые давным-давно переступили люди, поднявшие голову к 60-м годам.

Вероятно, прежде всего Писемский был возмущен голым отрицанием искусства. Я помню, что его ужасно раздражала знаменитая диссертация, «об отношениях искусства к действительности». Не больше, как пять-шесть лет перед тем он состоял еще сотрудником «Современника». Но когда редакция этого журнала фактически очутилась в руках новых людей, он не мог идти с ними в ногу. Его реализм как романиста не исключал вовсе того романтизма в идеях, в отношениях к искусству, к реформам, к либерализму, с каким он вышел из университета и до чего додумался,

когда стал руководителем журнала. Вдобавок журнал считался органом защитников «искусства для искусства».

Новые люди не щадили этих традиций и склонностей. Писательское согласие, какое завязалось было к концу 50-х годов, уже рухнуло. «Современник» стал враждебен Тургеневу; в его редакции уже высиживались статьи, бывшие преддверием к таким памфлетам, каков пресловутый памфлет г. Антоновича «Новейший Асмодей», по поводу «Отцов и детей» Тургенева. Будь у Писемского больше научного образования, умственной смелости и меньше личной впечатлительности, он бы спокойно и трезво присматривался к тому, что начинало бродить в русской интеллигенции. Но он не мог бороться с своими личными впечатлениями и впал в коренную ошибку всех тех, кто не в силах подниматься над субъективным мериллом: он стал слишком скоро обобщать. Мерило таких субъективных обличителей общества, или известного направления, всегда одно и то же. Они хорошо знают слабости, недомыслие, беспорядочность общества, изучили и более глубокие на-

циональные черты отрицательного характера. Это составляет их грунт. Общество тем временем востепенулось, явились отрицатели другого сорта, уже не такие практические скептики, как они, а люди с идеалами – верными или ошибочными, это другое дело – но с идеалами, хватившими неизмеримо дальше требований здравого смысла, обыкновенной порядочности или туманного либерализма. Эти новые люди увлекли молодежь, но она не в состоянии была оторваться от своего корня, большинство надело только мундир, да и самые лучшие на первых порах выделяли всевозможные нелепости.

Вот тут огорченный скептик-реалист и пустил свой скороспелый обличительный прием. Он смешал неурядицу, грязь и пошлость, накопившиеся веками, с влиянием идей, которые должно было бы сначала хорошенько изучить и потом уже делать эти идеи ответственными за бестолковщину и неблаговидность в молодой среде, увлекавшейся всякого рода пропагандой. Говорю это вовсе не в осуждение покойного романиста. Стараюсь только на глазах читателей выяснить мотивы

той реакции, какая в нем зрела и разразилась в романе «Взбаламученное море». Назревала эта реакция именно в те два года, когда я как сотрудник «Библиотеки для чтения» и как знакомый покойного романиста часто бывал у него и беседовал на литературные темы, В эти две зимы случилось несколько фактов раздражающего свойства для Писемского, вроде, например, столкновения с одним иллюстрированным журналом, редакторы которого вызывали даже Писемского на дуэль.

Лагери уже так обособились, что трудно было сходитьсь на нейтральной почве и обмениваться идеями, делать взаимные уступки. Но все-таки надо напомнить, что Писемский как романист, как талантливый писатель редко подвергался тогда нападкам. Ничто, кроме его собственного мировоззрения, не мешало ему идти далее в беспристрастном и смелом изображении русской жизни, ничто не препятствовало ему подождать со скороспелыми обобщениями, – ничто, повторяю, кроме того, что в нем самом происходило.

У себя дома, в кабинете, в задушевных разговорах Писемский высказывался скорее в то-

не сокрушения и протеста, чем в тоне непримиримой запальчивости. По-своему, он был последователен. Люди, возвещающие радикальные принципы, должны были, в его глазах, быть безукоризненны во всех смыслах; а этого далеко не было. Его наблюдательный и сатирический ум одинаково разоблачал и людей противного лагеря, и своих ближайших сверстников. Он мог и про приятеля, человека симпатичного ему по таланту, говорить без всякой поблажки его личным слабостям. Когда-нибудь я сообщу несколько таких разговоров. Тогдашний руководитель «Современника», возмущавший его своими новыми идеями, был ему очень мало известен как человек. Но несколько раз он в моем присутствии расспрашивал сотрудника, ходившего и в «Современник»: «Какой это человек, хороший ли, действительно ли верит он сам в то, что говорит?»

Рядом со всем этим в Писемском продолжал жить литератор своей эпохи, преданный делу изящной литературы, завоевавший себе место по праву, относившийся к своим ближайшим сверстникам без слабости, с очень

ярким критическим чутьем. Молодому начинающему писателю было весьма и весьма полезно выслушивать характеристики Писемского, принимавшие у него тогда чрезвычайно своеобразную форму по языку. Особенно памятна мне беседа о Тургеневе. Да и вообще Писемский в эти два года до переезда в Москву любил вести разговоры, в которых обсуждались и манера писателя, и его отношение к действительности. Вы не слышали избитых мест, формул идеалистической критики; ваше понимание освещалось выводами житейского опыта, указаниями на характерные стороны быта, народного ума, на своеобразные проявления страстей; везде и во всем подмечалась фальшь, идеализация, сантиментальность, умышленная тенденциозность. Так я припоминаю разговор, в котором участвовал покойный критик Эдельсон, о тогдашнем модном романе Авдеева «Подводный камень». Писемскому не могли нравиться такие вещи. Он, не щадя своего приятеля Тургенева, прямо говорил, что Авдеев, благодаря моде на чувствительные сюжеты тургеневских повестей и подражал его манере, сумел увлечь

публику сочиненной историей, подкупающей своим радикализмом по брачному вопросу. Но талант в молодых писателях тогдашней эпохи, где бы они ни дебютировали, Писемский оценивал сразу и не торгуясь. Так, например, Помяловский тотчас стал беллетристом чуждого ему лагеря, а он им чрезвычайно интересовался и всегда повторял, что один его язык указывает на настоящую писательскую натуру.

Поездка за границу, на Лондонскую выставку, знакомство с русскими эмигрантами, разные случаи, анекдоты, несколько курьезных типов тогдашних пропагандистов закрепили в Писемском желание набросать, широкую картину взбаламученного русского общества. Он приступал к этому труду вполне искренно; я в этом нисколько не сомневаюсь. Помню, в сентябре 1862 года, когда Писемский доканчивал, кажется, первую часть или, во всяком случае, писал ее, он повторял все, что для него этот роман – дело душевной потребности, хотя он наперед знает, что его предадут проклятию в тогдашней передовой журналистике. Он не остановился перед сооб-

ражением, что и фотографический снимок с разных курьезов пропаганды и радикализма будет все-таки рискованным поступком, рискованным не в смысле только личной репутации, а просто как скороспелое обобщение.

Писал он свой роман очень горячо и скоро. Процесс писанья был такой, сколько помню: сначала черновой набросок, иногда даже карандашом; этот набросок переписывался тотчас же, и к нему делались прибавления, иногда приклеивались целые листы, и только уже третья редакция представляла собой настоящий текст. Весь конец 1862 года пошел на эту работу.

В доказательство того, что Писемский не считался тогда и в «Современнике» реакционным романистом, я приведу следующий случай. Один из членов редакции «Современника» приезжал к Писемскому за несколько минут до моего прихода: начать переговоры о романе. Первые две части я слышал в чтении самого автора у него на вечерах, и тогда по содержанию их нельзя еще было видеть, что роман выйдет весьма неприятным для молодежи.

Редакционные обязанности все больше и больше тяготили Пиоемского. Он оставался редактором только до февраля 1863 года, слаллся с «Русским вестником» насчет печатанья романа «Взбаламученное море» и получил от него предложение заведовать беллетристическим отделом. В Москве, по рассказам, после выхода из редакции «Русского вестника» свой досуг Писемский пополнил службой, по всей вероятности, весьма формальной и скучной, да и в материальном отношении не блестящей. Помню, в один из приездов в Москву я встретил Алексея Феофилактовича на Кузнецком мосту, заметил, что он сбрил себе бороду, узнал об его поступлении на службу и услышал от него жалобы на то, что в Москве «нечего делать, не к чему примоститься». В это время уже Петербург смотрел на Писемского по-новому, то есть как на автора «Взбаламученного моря».

В Москве сношения с театром, с любителями, участие в спектаклях вызвали в нем новую охоту к писанью пьес. Почти все, появившееся после «Горькой судьбины» в драматическом роде, написано им в Москве. Посиль-

ную оценку театра Писемского сделал я в моих публичных лекциях, появившихся потом отдельной статьей в «Слове», под заглавием: «Островский и его сверстники».

В Москве как романист Писемский подвел итоги эпохе своей молодости в романе «Люди сороковых годов», современную же Москву изобразил в двух больших вещах: «Водоворот» и «Мещане». Помимо ослабления таланта, с годами, болезнями, душевными ударами в этих романах уже почувствовался человек, ушедший в сторону от литературного и общественного движения. Манера застыла в одних и тех же приемах, понимание действительности ограничивалось несколькими удачными картинками и характерами среди тягучего и старомодного письма. Личная жизнь, обстановка, развивающийся пессимизм сделали свое. Но все-таки закваска здорового реализма сказывается не только в «Водовороте», но и в «Мещанах», прошедших почти незаметно. Привычка к писательскому делу и потребность творчества была настолько велика в романисте, что он задумал опять большой роман «Масоны» и довел его до конца, незадол-

го до смерти.

Человек в покойном Алексее Феофилакто-виче был так же своеобразен, как и писатель. У нас мало занимаются определением областных особенностей русских людей, а надо бы начать это. В Писемском сказывался уроженец приволжской местности, костромич; акцент он удержал до самой смерти. Это был настоящий продукт местной жизни, не обесцветивший себя ни в столицах, ни на службе, ни в литературных сферах. Ум и юмор давали окраску всему, что говорил Писемский, когда бывал в хорошем расположении духа, когда не давал поблажки своей мнительности и ипохондрии. Даже эта мнительность, заботы о здоровье и частые переходы от возбуждения к упадку сил – чрезвычайно типичные помещичьи русские черты. И, конечно, не будь в этой натуре такого сильного мозга и темперамента, немощи тела или склонность к ипохондрическим ощущениям давным-давно бы сломили человека, а тут мозг все-таки работал, худо ли, хорошо ли, и позволил писателю умереть в старости с пером в руках.

На похоронах Писемского я слышал такой приговор: лучше было бы, если бы он умер двадцать лет тому назад. Конечно, лучше было бы, если бы желать для него полной популярности. Тогда Писемский сошел бы в могилу с именем не только даровитого, но и либерального писателя. Теперь этого нет. Да ведь жизнь всегда возьмет свое, она не любит мистификаций и недомолвок. Что в человеке сидело, то и всплыло. Зачем на основании тенденциозных романов и плохих пьес второй половины судить пристрастно о Писемском до 1863 года? Тот писатель останется и теперь нетронутым. Так к нему и отнеслись во всех заметках, появившихся после его похорон. Вся совокупность его деятельности – в высшей степени знаменательна и характерна для целой генерации людей таких, как он. Ведь и Тургенев, несмотря на то, что не желал так скороспело обобщать, как Писемский, целых десять – пятнадцать лет находился в опале за своих «Отцов и детей». Но его удержало гораздо большее образование, широта и гуманность взгляда. Он менее продукт той среды, откуда вышел Писемский.

В нашем обществе, где все так легко ступень вываляется и линяет, искренность и смелость – ценные качества. Как понимал Писемский то, что вокруг него делается, так и писал. Пройдут года, страсти улягутся, теперешний либерализм покажется тоже условным и бедным, взгляд на писателей и вообще на публичных деятелей установится, и тогда каждый критик, каждый исследователь нашего движения, всякий образованный читатель найдут в произведениях Писемского, не исключая и его тенденциозных романов, отложения целых слоев действительности и скажут спасибо даровитому русскому беллетристу, а его личные пристрастия и ошибки простят ему.